

КУЛЬТУРА, -1993. - Запр. - С. 4.

АКТЕРСКАЯ ПРОЗА

Конечно, это ни в какие ворота не лезет — чтобы едва ли не через номер печатать рассказы одного и того же автора. Но виноваты в этом все-таки не мы, а тот успех, который имеет у наших читателей проза Нонны Викторовны. Видно, время такое, и она именно такая, которую выбрало это время. Противиться этому нельзя, потому и предлагаем вашему вниманию еще один фрагмент литературного творчества народной актрисы, предоставленный нам для первой публикации журналом «Октябрь», где весь цикл выйдет в ближайшем номере...

Нет-нет, а сверну, бывало, после института в деревянный дом.

Поддавило счастье моим подружкам-однокурсницам. Кате и Клаве — расположились в старом доме с хламом-мебелью и двумя сиротами-мальчишками. Вместе ели хлеб, полученный по рабочей карточке — пятьсот пятьдесят граммов, — топили печку ворованными досками, выковыривали из щелей стола застрявшие кусочки соли — соли не было. Кипяток — пожалуйста, сколько угодно. Ну и плюс ко всему померический хохот с утра до ночи. Смех неумный по любому поводу. Помню, гнали нас с занятий за смех. Все студенты были «больными» этим...

Завидовала я своим подружкам. Еще был Глаз прорерут, умоются и через десять минут в институте. А мне еще до станции Северянин, оттуда на электричке до города Бабушкина, потом сорок минут пешком... Клава стала главной хозяйкой и иногда снисходительно позволяла мне заночевать на бумажных подушках старого дивана с восьмилетним мальчиком, когда старший дежурил в котельной. Какое это было счастье для меня!

Раз прихожу — лежит на столе чисто вымытая картошка в мундире. Лежит попарно, восемь штук. Катя одна. Болтаем и все поглядываем на картофельны — варить не велено. Уж и так и сляк отключаются от них, а глаза оглядывают — душу травят. Скоро уж на электричку... Катя была сердотной девушкой, не смогла отпустить меня в ночь с мыслью о помытой картошке.

Махнула рукой и через полчаса поре с солью давить стала. Вдруг рывком отрываясь да дверь, и входит Клава. Лицо ее скривилось: она оглядела дымящееся пюре и нас. Я скоренно подошла к пальто, шитому мамой из солдатской шинели, и просунула руки в рукава. Дескать, не рассчитывай на угощение.

Катя улучила момент и ткнула мне в ладонь комок пюре. Сомкнув ладонь, я этой же рукой, указательным и большим пальцами, стала асцовывать пуговицы в петли.

— Что с тобой? — недовольно спросила Клава. — Можешь, в туалет хочешь?..

Я схватила платок, сумку и со стоном выскочила на волю. Там разжала кулак, окунула обожженную руку в ступор, другой рукой отыскала в снегу горячий комочек. Подождала, подула, съела и — вперед на электричку.

После этого случая Катя бегала по соседям и в желтом доме с клубом имени Крупской нашла для меня угол за рабочую карточку. Это рядом. Планировка внутри такая-то придурковатая: сперва длинный коридор с множеством дверей, открываешь нужную тебе, и сразу — спуск вниз по лестнице в комнату.

Живут в ней мать и две дочери — Шура и Лидя. Нашлось и мне место. Еще бы не нашлось! Карточка рабочая. Удобно стало рядом с институтом и с подружками. Вот только голод проклятый мучил, не унимался ни днем, ни ночью. То терпимо, а то как схватит — хоть плачь... И вот брат мой двоюродный демобилизовался, Сергей Тимошенко. Ехал через Москву, нашел меня, чтоб накормить. Оказались мы у Красных ворот — там где-то военная столовая для проезжающих солдат.

Куда ни сунемся, всюду отказ — нельзя штатским.

— Зачем ты устроил это! — глотая слюны, говорю ему.

Но это ж Сергей... Подлил солдата, отвлекли часового, и вот я уже в столовой.

Поплыли алюминиевые мисочки с супом. Я шепнула Сергею, чтоб попросил вторую порцию. Не отказали. Потом бросками опять алюминиевые мисочки с нашей перловой и кубиками жареного сала. Хлеба побольше — брат подкладывает:

— Ешь, ешь, доходяга. Тут кисель поплыл в гнутых кружках. Наелась, как никогда...

Сергей Тимошенко — тип интересный. Когда Бондарчуки ездили в отпуск в село Широ-чанское, то считали, что время проведено не впустую, если там гостевал у матери Сергей. Он относился к тем людям, о которых Шукшин говорил, что подарок судьбы встретить такого. Он тебе и споет, и побрешет чего, и последним куском поделится. Синеглазый, чубатый казак с Кубани. Бело-зубый, с блудливым взглядом на женщин.

Какое-то время пошатался без работы — нигде не нравилось. Родственники укоряют: непривычно, чтоб мужик не работал. Бывало, придет и «обнадеживает» маму мою:

Нонна Мордюкова

БУДЕТ ВЕЧНАЯ МУЗЫКА...

— Меня взяли в «Ейскую правду» главным редактором. — Без образования!

— Почерк, знаете, у меня какой? Писарем у армии был... Потом эта версия затихает, рождаются новые:

— Тетя Ира! Принял учера на полтора миллиона театрального хозяйства — нашего областного театра.

— Бреешь...

Но уникальность его была неоспоримой. Он играл на всех музыкальных инструментах. Пел красиво бархатным голосом. Это были его козыри. Но и это не знал, как применить.

Исчезает, потом узнаем, что во Львовое постовым милиционером пристроился. Привез оттуда жену — польску Ядвигу. С семьей безвылазно не мог находиться. Выплет у друзей, припоздает и, придя домой, прямым ходом к комоду, над которым висят фотографии родственников, и умерших, и здравствующих. Поставит локти на комод и пустит горькие слезы. Дескать — жаль ушедших. Жена Ядвига спокойно встает с кровати и нажаренную для него картошку опрокидывает со сковородки в помойное ведро. Он стелет себе отдельно. Наутро примирение, но не надолго. Где только он не работал... И вдруг вижу в киножурнале перед сеансом: запевае в прикарпатском ансамбле — в соответствующем костюме. До чего хорош!

Являлся однажды в Москву с намерением сыграть главную роль в кино. «Сыграю, как надо — лучше всех!» Два дня побыл, увидел, как мы ютимся в одной комнате, как нечасто дают нам работу, и его порыв нанести визит Бондарчуку и сообщить о цели приезда иссяк.

Уехал во Львов, а жена Ядвига жила в это время в Широчанке у его матери и ждала ребенка. Как-то приезжаю на каникулы и иду семь километров пешком — Сергей, Ядвига и ребенок у матери. Вечером, когда солнце село, повел он меня к клубу. Амбарный замок для Сергея не помеха. Пролезли мы в окно и оказались в

комнате, где хранятся инструменты. Я села на пол под окном, а он при лунном освещении доставал то гитару, то трубу, побольше и поменьше. Сел за пианино — уладил мою душу, пошел красиво. Как это может быть? Не учился нигде и никогда.

Ядвига радостно усадила нас за ужин. Муж гулял с сестрой, а не с какими-то казачками-молодухами. Ей все время грезились нечистая сила, подталкивающая мужа к измене. А он излучал прану, далеко не всегда для измены жене.

Возле таких, как Сергей, люди гуртуются, как пчелы вокруг меда. Не забуду, к примеру, что вносил с собой на

валя шампанское по граненым стаканам, ответил он.

Мать и обе дочери смотрели на меня с испугом.

— Ну, давайте,— поднял стакан герой вечера.

Девятилетняя девочка — сестра Шури старательно выпила крупными глотками шампанское, не зная, что ждет ее — лишь бы угодить хозяйину и кинуться на еду. Стали мы хрумать поросенка с белым хлебом, закусывать «Мишками»; снова припадать к икре, сыру, хлебу. За моей спиной стояла кровать. В голове у меня все перекосилось, я поплыла от стола, успев взять свою тарелочку с поросенком и «Мишками» и поставить на окно.

Лбом ткнулась в подушку, и все...

Доели утром свинину и «Мишки», и — я в институте, а Шура на работу на ватную фабрику. Как нас, помню, вата мучила. Все было в вате. При выходе из дому надо было оставлять время, чтоб обобрать себя вату.

Чуть было я призабыла «родственников», как, придя домой, вижу молящие глаза хозяйки — матери Шуры:

— Такой морозец мягкий, на выставке так хорошо. Музыка играет... Пошли бы погулять...

Шура надевает рейтузы и красит губы.

— Сейчас Яков Иванович придет...

— А у меня свидание, — с сожалением говорю я, думая: «Поест бы сейчас его, Якова Ивановича, еды...»

— Отмени,— просит мать.

— Отмени,— просит Лидочка.

— Куда она денется! — пыхтит Шура.

Заскрипели над головой ступеньки — слышна поступь кожаной подошвы. Это белые бурки Якова Ивановича. Свертки, свертки. Один интереснее другого. Шелестит калыка, обнажается богатая еда. Яков Иванович раздевается и заполняет пространство запахом одеколона «Шипр». Хоть бы на пищу не осел этот запах... Все в момент разложили, но не тут-то было! На стол ставится бутылка вина — это запрет на уход.

— На этот раз слабенькое принес,— сказал Яков Иванович и стал расческой драть густые светлые кудри.

Выпили, хочешь не хочешь. Съели все до капельки.

— Пойдем, Нонна, на выставку, я угощу тебя мороженым.

— А Шура?

— Поди-ка сюда! — шепчет мне Шура, — ты что прикидываешься? Не понимаешь, что все это из-за тебя? Он свататься хочет! Иди!

Какой ужас! Съеденная пища стала противна.

— Пойдем и ты, Шура,— хлопает он ее по плечу.

Я, как соннабула, надеваю пальто, и мы строем отправляемся на выставку, где му-хинские дяденька и тетенька с серпом и молотом стоят. Людей мало. Дышат паром. Иг-рает радиола. Смеются. У ко-го-то бумажные цветы, шарик надувные.

— Возьмите меня,— ско-мандовал Яков Иванович и бубликами поставил руки.

На нем кожаное черное пальто, внутри мех.

Я двумя пальцами зацепилась за холодную замерзшую кожу и пошла к месту прода-жи мороженого. Радио гром-ко чередовало крики о дости-жениях в хозяйстве с музы-кой. Яков Иванович пригласил Шуру на вальс. Далеко отставил левую руку, закру-жил слегка.

— На, бери,— говорит про-дащица мороженого (он заплатил за два брикета). — Один, наверное, твой.

— Наверно... — ответила я.

Взяла брикет да и заверну-ла за палатку в темноту. С на-слаждением, в чувством сво-боды мчалась к своим и к «своему».

— Ты что так рано? — уди-вилась Катя.

— Раной...

— Не бери в голову. Я шу-чу. Бери нож и режь овощи на винегрет. Тут и вареная морковь, и свекла, и картош-ка. Больше ничего не будет, а винегрета навалом. Хлеба тоже.

— А я пришла без хлеба...

— Мы знали, что ты не до-терпишь — съешь свой паек, как всегда.

— Не переживай. Тут твоя палатка есть.

— Я сегодня хлеб не буду есть! — крикнула я, счастли-вая.

Ох, какая я была тогда счастливая. Скоро «мой» при-дет и обязательно внесет все пятьсот пятьдесят грамм в «котел». На самом истоке жизни мне не дано было свя-зывать свою жизнь или хотя бы миг с нелюбимым — ради вы-годы и богатства.

Шли годы. Я была ничего собой, липли всякие.

А мне — только чувства! И только чувства!

Даже враги мои и те всег-да скажут, что и в кино-то я не сыграла ни одного слова за счет каких-то козней.

Какой там Яков Иванович? Нет, нет, нет! Винегрет, хле-бушек!

Свой первый чайник, пер-вая ложка, первая комната... Стол, табуретка. Так началась моя жизнь, так и идет...

Перебралась я тогда, учась в институте, жить в Ростокино. Там такая хрипала от курения (сидела на топке) свистела бронхами от хохота и курила «Север». Полюбили я ее, ста-ла после института к ней бе-гать. Она работала на фабри-ке, где шоколад делают. Только на порог ступит, кида-ется варить капусту и ест, ест с жадностью... А огурец со-леный я специально сберега-ла для нее. Там они целый день сладкое едят — ешь, сколько хочешь. Вон как осто-чертевает! Как серна летит к капусте и огурусу... А мне из-за пазухи пряник или ириски...

С тех пор прошло сто лет, неизменных сто лет.

Крути, верти; крути, верти — терпели, жили, мирились и надевались...

Недавно вот сидим у ста-рой барыни — жалею, наве-щаем по очереди. Бывшие жены умерших писателей, как правило, хрупкие, инфантиль-ные, неприспособленные к жизни, добродушные. Как можем, заскисываем, хоть и неохота.

...Пасьянс, пасьянс, кофе и надоевшие всем воспомина-ния о прожитой жизни...

Как-то перед уходом зво-нит дверной звонок. Открыва-ем — красная толстенная хо-лушка протыгивает в грубой желтой бумаге два куска хо-зяйственного мыла и еще ка-ких-то два пакета вроде са-харного песка и гречки.

Счастливая, она проходит в прихожую и сообщает, что командирована из одесского музея для беседы с хозяйкой, с просьбой подарить что-ни-будь из архива ее покойного мужа, известного писателя.

Хозяйка встряхнула голо-вой, провела по ней рукой с неуловимой гордостью.

— Садитесь,— показала она на стул против себя.

— Спасибо, милая, спаци-бо...

Гостья вытащила из сумочки носовой платок и протерла мокрое лицо.

— Зачем вы беспокоились,— снисходительно улыбнулась вдова.

— Ну как же, как же! Ва-шему мужу памятник будут строить возле Одессы, на ро-дине, а мыла нигде нету, еды тоже — перестройка, сами знаете...

— Памятник?

Мы прикрыли дверь...

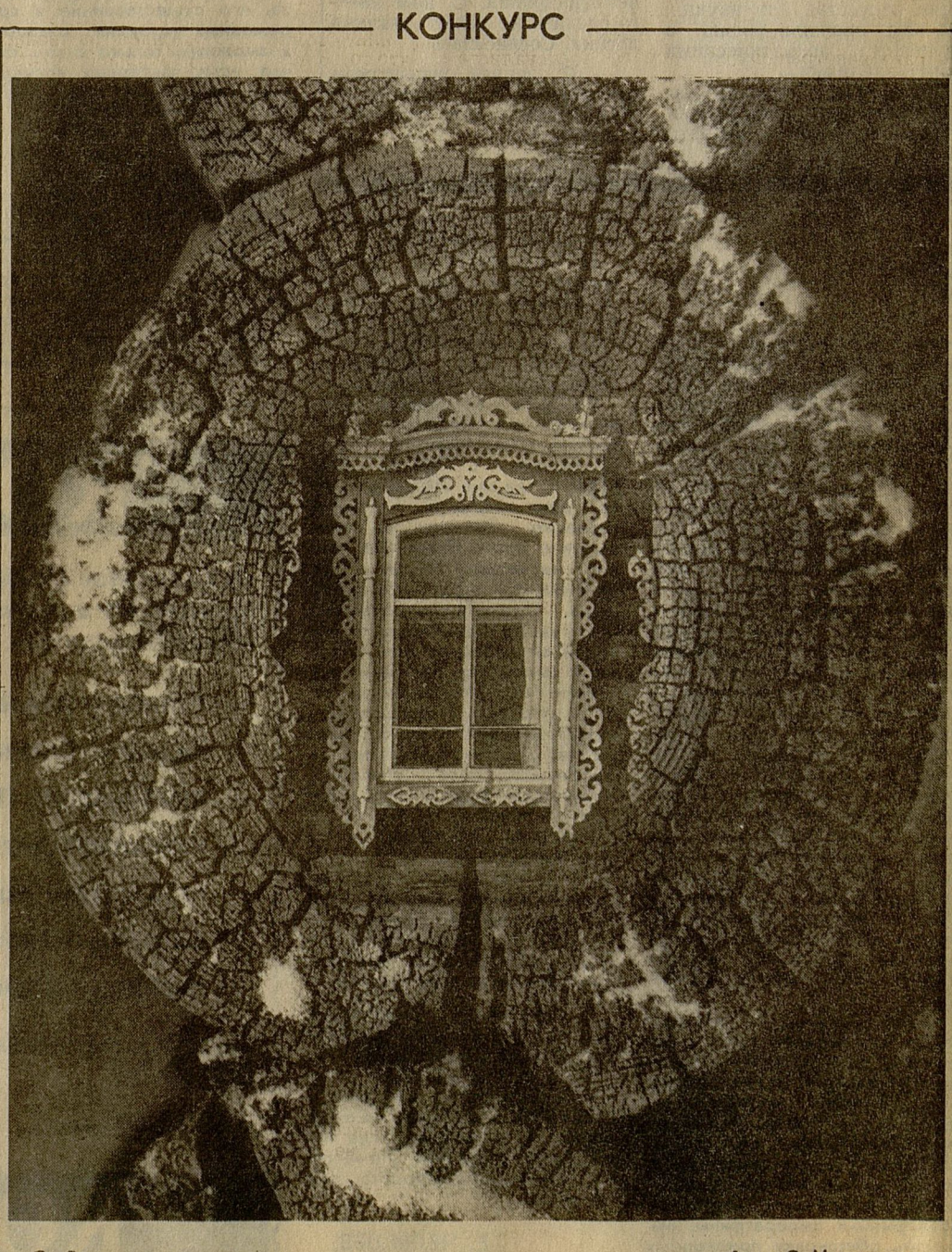
Хотела бывшая барыня до-жить до памятника мужу — да куда там! Старость не спро-силась. Старались не оставлять ее ни на минуту, вплоть до того, что попросили переноче-вать одного из соседних маль-чишек — все заняты оказались.

— Как было дело? Как это случилось? — допытывались поутру у мальчика. Он ска-зал:

— Она ночью позвала и по-просила: Леша! Умой меня...

— Ну?

— Я намочил полотенце и умыл...

Деревянные узоры.

Фото С. Мальгавко.